

ворить потише. — Лариса!.. Ларинька! — слышать я... — Бѣдняга вернулся ко мнѣ весь красный.

— Не нужно ли вамъ чего? — допрашивалъ онъ, и получивъ въ отвѣтъ, что рѣшительно ничего, присѣлъ на постели, въ ногахъ.

— Не осудите насъ слишкомъ поспѣшно за то, что вы слышали, — произнесъ онъ съ сконфуженнымъ видомъ. — Жена — добрыйшная женщина и, въ дѣйствительности, далеко не крѣпостница; но ежедневныя столкновенья, безъ которыхъ пока нельзя еще обойтись, раздражаютъ ее до того, что она иногда отзывается о реформѣ очень несправедливо.

Спѣша успокоить его, я отвѣчалъ, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Меня, конечно, никто уже не сочтетъ врагомъ реформы, а между тѣмъ я часто и самъ бываю въ такомъ состояніи духа, что новый порядокъ кажется мнѣ фатальнымъ недоумѣніемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, молъ, что крестьяне смотрятъ на насъ какъ на волковъ, которымъ реформа обрѣзала когти и подпилила зубы; и это большая помѣха; но что будешь дѣлать? Въ основѣ новыхъ ихъ отношеній къ намъ должно быть довѣріе, а довѣріе не дается даромъ; — его еще надобно заслужить.

Онъ мялся; ясно было, что у него есть что-то еще, къ чему онъ не знаетъ, какъ приступить. Догадываясь, что это должно касаться Неплескина, я спросилъ: отчего пріятель его такъ молчаливъ?

— Иванъ Герасимовичъ, — отвѣчалъ онъ, таинственно понижая голосъ и медленно, словно нехоти выговаривая слова: — Иванъ Герасимовичъ, къ несчастію, не въ ладахъ съ женой... Лариса приписываетъ его вліянію, что я бросилъ каюдру въ К***, что, между прочимъ, крайне несправедливо, такъ какъ онъ первый былъ противъ этого. Но это одна изъ тѣхъ безпричинныхъ идей, которыя зарождаются въ головѣ у женщинъ на зло разсудку. Лариса, странно сказать, недавно еще, какъ нельзя лучше къ нему расположенная и сама приглашавшая его въ Ольхино, здѣсь совершенно перемѣнилась. Теперь она положительно не выносить его присутствія, считаетъ каждый кусокъ, имъ съѣденный, перетолковываетъ каждое слово, имъ сказанное. Короче, это гоненіе, бессмысленное и беспощадное. Но онъ все терпитъ изъ дружбы ко мнѣ.

Петръ Ивановичъ замолчалъ и задумался.

— Вы спросите, можетъ быть, зачѣмъ я вамъ это рассказываю въ такую пору, когда вы естественно предпочли бы спать;